

Методология исследования: смешанная оптика

DOI: 10.19181/inter.2022.14.4.2
EDN: CFFCJD

Человеческое измерение безопасности: субъективные оценки и личностные смыслы

Ссылка для цитирования:

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Человеческое измерение безопасности: субъективные оценки и личностные смыслы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 4. С. 29–40. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.2>. EDN: CFFCJD

For citation:

Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. (2022) The Human Dimension of Security: Subjective Assessments and Personal. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 4. P. 29–40. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.2>.

Мозговая Алла Викторовна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: mozgovai@yandex.ru

Шлыкова Елена Викторовна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: shly-ev@yandex.ru

Социальный контекст современности отличается системными трансформациями, постоянными изменениями, фундаментальный признак которых состоит в неопределенности, принципиальной возможности негативных последствий и исходов процессов, событий, явлений, решений.

Субъективное ощущение, личностная оценка риска и собственной уязвимости, а следовательно и степени безопасности, становятся фактором конструирования стратегии взаимодействия с рискогенной средой. Выявление

и выбор адекватных методов измерения факторов, участвующих в субъективной оценке риска и уязвимости, интерпретация смыслов, которые вкладываются респондентами в понимание феномена безопасности, представляют собой интересную научную проблему и значимую для социальной практики задачу.

В статье предпринята попытка продемонстрировать взаимодополняемость социологических данных, получаемых методами количественной и качественной эмпирической социологии как на этапе проектирования и пилотажа инструментария, так и при интерпретации результатов.

Эмпирический раздел статьи демонстрирует перспективность подхода к измерению субъективной оценки безопасности в массовых опросах через показатель достаточности ощущения безопасности и факторов, с ним связанных. Так, выявлена статистически значимая связь ощущения безопасности с полом, возрастом, типом поселения, образованием, с субъектностью, то есть с ответственностью за риск. Тем не менее обозначилась явная недостаточность смыслового компонента для обеспечения надежности интерпретации полученного результата, запрос на дополнительную информацию, для получения которой незаменимо применение методов качественной социологии, работающей в том числе со смыслами.

Результатом применения методов качественной социологии (интервью, фокус-группа) стала следующая типология: при ответе респонденты соотносили свои оценки безопасности преимущественно с наличием/отсутствием угроз как своему физическому состоянию и материально-имущественному положению, так и ближайшего окружения.

Выявлены также позиции сопоставления оценок личной безопасности с нематериальными факторами: с нестабильностью и неопределенностью, которые угрожают социальным и жизненным перспективам как близким, так и друзьям в собственном и ближайшем окружении. В старшей возрастной группе безопасность понимается как наличие сильной власти, которая обеспечивает порядок.

Взаимодополняемость количественных и качественных социологических методов повышает надежность и полноту интерпретации данных массовых опросов относительно изучаемых явлений и процессов.

Ключевые слова: безопасность; методы измерения; ответственность; оценка; риск; субъектность; уязвимость

Введение

Современное общество отличается рискогенностью основных сфер социальной жизнедеятельности, что в свою очередь обуславливает неопределенность и в повседневной жизни людей. Вынужденное взаимодействие с рискогенной средой актуализирует задачу научного обоснования механизмов

обеспечения статуса безопасности, адекватного имеющимся у социальных субъектов и отдельных индивидов ресурсам.

Более того, социальная наука и практика демонстрируют целесообразность подхода к безопасности как социальному институту, востребованному обществом риска.

Различные аспекты безопасности входят в предметные границы многих отраслей научного знания. Анализ основных подходов и тенденций в исследованиях безопасности не предусмотрен в задачах данной статьи, однако представлен в других публикациях авторов [Мозговая, Шлыкова, 2022]. Отметим, однако, что поиск критериев «человеческого измерения безопасности» становится все более актуальным направлением исследований в социальных науках.

Авторы обосновывают научную продуктивность социологической методологии и методов для конструирования социального знания о безопасности человека, о критериях субъективной оценки безопасности в меняющейся среде. Социологическое измерение безопасности имеет перспективу как в массовых опросах, так и в исследованиях, базирующихся на качественной методологии. Данные, полученные в парадигме количественной эмпирической социологии посредством массовых опросов населения по предельно формализованным инструментариям, выявляют тенденции, наиболее общие факторы, связанные с изучаемыми явлениями и процессами. В цели и задачи таких исследований не входит определение субъективных смыслов, которые вкладывают респонденты в понимание явлений и процессов. Подобные личностные интерпретации выявляются соответствующими методами качественной социологии, которая дает возможность понять, по отношению к каким представлениям и картинам мира обнаружена та или иная тенденция, тот или иной общий фактор функционирования или развития процесса, явления. Именно данные качественного исследования позволяют формулировать креативные гипотезы о скрытых, глубинных смыслах, установках, позициях.

В этой статье предпринята попытка продемонстрировать взаимодополняемость социологических данных, получаемых методами количественной и качественной эмпирической социологии в области исследования безопасности как на этапе проектирования и пилотажа инструментария, так и при интерпретации результатов.

Измерение безопасности

Обобщение подходов к исследованию безопасности в массовых социологических исследованиях позволяет утверждать, что наиболее часто измерение соотносится с такими показателями, как потребности [Головаха, Панина, Горбачик, 1998], социальное самочувствие [Латова, 2017; Колесникова, Чуканова, Артюхина, 2015], угрозы безопасности личности [Коньшев, 2014; Юдина, Фролова и др., 2017].

Целевые репрезентативные социологические исследования безопасности, как правило, предполагают оценку защищенности населения в рамках отдельного вида или аспекта безопасности либо соотносятся со страхами, тревогами, опасениями¹.

Наш собственный опыт массовых опросов подтвердил, что, как и в других оценочных процессах, субъективная оценка безопасности складывается на основе жизненного опыта, ценностных ориентаций, мировоззренческих особенностей, уязвимости [Мозговая, Шлыкова, 2016]. Специфическим для оценки безопасности оказался показатель приемлемости различных типов риска.

Такой результат формирует исследовательский интерес к анализу связи между уровнем потребности в безопасности и субъектностью по отношению к решениям, связанным с риском, то есть готовностью принимать ответственность за рискованные решения.

Потребность в безопасности/защищенности — одна из фундаментальных. В самом общем социальном и психологическом понимании потребность интерпретируется как *ощущение* недостаточности некоторого значимого ресурса. В массовом мониторинговом опросе, данные которого анализируются ниже, апробируется подход, рассматривающий *ощущение* как показатель субъективной оценки безопасности. Шкала, по которой оценивается степень достаточности ощущения безопасности, является критерием типологизации респондентов. Если потребность невысокая, то и ощущение нехватки, недостаточности будет более выраженным.

Эмпирическую базу анализа составляют данные 27-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)². Выборка каждой волны репрезентирует население России³. База сформирована на данных респондентов в возрасте 18 лет и старше, то есть анализ производится по отношению к взрослому населению.

Для оценки субъективного ощущения безопасности в инструментарии мониторинга содержался вопрос: «В какой степени в данный момент Вашей жизни Вам не хватает ощущения безопасности?» В ходе анализа данных мы преобразовали пятибалльную шкалу ответов в трехбалльную. Сумма ответов «хватает» и «скорее хватает» отвечает признаку «*высокая субъективная оценка безопасности*» (43,4%). Сумма ответов «не хватает» и «скорее не хватает» — признаку «*низкая субъективная оценка безопасности*» (52,0%). Доли

¹ Индекс страхов // ВЦИОМ. 2022 г. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_straxov (дата обращения: 09.09.2022).

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.hse.ru/rhms> (дата обращения: 09.09.2022) и <https://rhms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 09.09.2022).

³ Модель выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ // НИУ ВШЭ. 2022 г. URL: <https://www.hse.ru/org/hse/rhms/sample> (дата обращения: 09.09.2022).

ответивших «мне это не нужно» соотносились с отсутствием потребности в безопасности (2,1%), а затруднившихся и отказавшихся отвечать мы объединили и интерпретируем как «неопределившихся» (2,5%).

Эти целевые группы имеют как заданные (пол, возраст и пр.), так и приобретенные (образование, брачное состояние, социальный статус и пр.) ресурсы. Интересно сравнить доли обладателей одинаковыми ресурсами в каждой типологической группе.

Сравнительный анализ целевых групп осуществлялся по социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, брачное состояние, наличие детей, уровень образования, род занятий, тип поселения). Характер идентификации субъекта ответственности за риск-решения определялся посредством анализа позиций респондентов по ряду вопросов.

Социально-демографические характеристики. В группе с низкой оценкой безопасности выше доля женщин: соотношение мужчин и женщин в этой группе составляет 0,6, тогда как во всех остальных группах — 0,8. Возраст сгруппирован по нескольким интервалам: 18–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–69, 70 лет и старше. Анализ выявил ряд различий. В группах с отсутствием потребности в безопасности и неопределившихся значительно выше доля респондентов в возрасте 70 и более лет: 30,7% и 23% против 13,7% в группе респондентов с высокой оценкой безопасности и 15,1% в группе с низкой оценкой. Соответственно, и молодежи в этих группах значительно меньше. С возрастом потребность в безопасности как бы «угасает».

Анализ данных относительно брачного состояния показал, что существенные различия обнаруживаются также для группы респондентов, утративших потребность в безопасности, — доля вдовствующих в этой группе значительно выше (26% против 13–15% в других группах).

Интересно, что по уровню образования представители целевых групп с высокой и низкой оценкой безопасности практически не различаются. А вот «утратившие» потребность в безопасности и неопределившиеся отличаются от них существенным образом. Так, если в первых двух группах доля респондентов с образованием до восьми классов составляет порядка 13%, то среди двух последних — 43% и 25%. Соответственно, и доля респондентов с высшим образованием существенно ниже.

По роду деятельности больше половины респондентов с отсутствием потребности в безопасности попали в группу пенсионеров. Горожане ниже оценивают уровень своей безопасности.

Субъективная оценка безопасности в значительной степени определяется отношением индивидов к ответственности за риск — субъектностью, степенью готовности принимать решения в ситуациях риска. Респондентам предлагались парные суждения, позволяющие выяснить их позиции относительно субъектов решений, связанных с рисками для окружающей среды и здоровья населения. В таблице приведены данные, показывающие субъектность представителей анализируемых групп.

**Ответственность за решения в ситуациях риска респондентов
с различной оценкой достаточности ощущения безопасности
(доля в процентах от количества респондентов
в каждой типологической группе), %**

Позиции по отношению к риску	Оценка достаточности ощущения безопасности			
	Высокая n = 4197	Низкая n = 5028	Отсутствие потребности n = 203	Неопреде- лившиеся n = 242
Рискуют, надеясь улучшить ситуацию, выиграть	33,5	26,9	19,8	13,4
Риски возникают из-за собственных решений	34,9	30,8	24,8	19,2
Люди сами должны влиять на решения, которые могут нанести вред их здоровью и природе	47,5	40,2	25,7	26,4
В ситуациях риска для других ответственность берут на себя	45,3	38,3	23,8	20,9
Власти верно оценивают риски и не должны согласовывать свои решения с населением	27,4	18,6	21,8	9,2

Субъектность, то есть готовность принимать решения, связанные с риском, нести за них ответственность, выше у респондентов с высокой оценкой безопасности.

Между группами с высокой и с низкой оценками безопасности не наблюдается статистически значимых различий в декларируемой стратегии адаптации к навязываемому институциональной средой риску. Снова выделяется группа тех, у кого потребность в безопасности отсутствует, — большая часть из них никаких активных действий осуществлять не станет.

Приведенные данные показывают перспективность подхода к измерению субъективной оценки безопасности в массовых опросах через показатель достаточности ощущения безопасности и факторов, с ним связанных. Так, выявлена статистически значимая связь ощущения безопасности с полом, возрастом, типом поселения, образованием, с субъектностью, то есть с ответственностью за риск. Анализ выявил существенные особенности группы респондентов, у которых отсутствует потребность в безопасности: это люди в возрасте 70 и более лет, с низким уровнем законченного образования, проживающие в сельской местности. Выдвинута гипотеза об «угасании» потребности в безопасности в связи с возрастом, со статусом одинокого неработающего пенсионера, с типом поселения.

Вместе с тем анализ демонстрирует, что при интерпретации ответов респондентов на оценочные вопросы разработчик рискует попасть в ловушку:

за пределами интерпретации остаются (не)понимание типа безопасности и характер смысловой модели, в рамках которой давал ответы респондент. Собственно, это подтверждают наши исходные установки по поводу адекватности методов социологического измерения социальных феноменов задачам исследования. В массовом опросе в соответствии с его задачами был получен определенный результат. Однако на этапе интерпретации очевидным становится факт, что для надежности полученного результата требуется дополнительная информация с применением методов качественной социологии, работающей как раз со смыслами.

Для обоснования вывода о взаимодополняемости количественных и качественных методов социологических исследований в конкретной предметной области изучения личностных, субъективных представлений о риске и безопасности мы с помощью разведывательной стратегии провели 15 экспресс-интервью с представителями тех возрастных групп, которые продемонстрировали различия в оценках по данным массового опроса, и одну фокус-группу с участием семи представителей той возрастной группы, у которой было выявлено снижение потребности в безопасности.

В ходе интервью респондентам зачитывался вопрос из инструментария массового опроса и предлагалась аналогичная шкала. Анализ продемонстрировал, что при ответе респонденты соотносили свои оценки безопасности преимущественно с наличием/отсутствием угроз физическому состоянию и материально-имущественному положению — как личному, так и ближайшего окружения. Например:

«Да, хватает ощущения безопасности: денег хватает, еда есть, жилище есть, здоровье нормальное, у дочери все в порядке. На улице никто не пристает и лопатой не бьет» (муж., 58 лет).

«Да, хватает. Еда есть, дом и квартира обихожены, дочери на хорошее образование деньги есть, маме и брату помочь — тоже, здоровье под контролем» (муж., 50 лет).

«Мне оно и не нужно. Власти работают, уровень жизни не падает» (жен., 71 год).

«Скорее хватает. 1. Есть финансовая подушка безопасности — накопления, дающие уверенность в том, что в случае жизненных форс-мажорных обстоятельств смогу помочь себе и семье. 2. Хорошее образование, опыт и наработанные профессиональные навыки дают конкурентные преимущества и востребованность на рынке труда и открывают перспективы для самореализации. 3. Возраст как преимущество: здоровье, трудоспособность, обучаемость, отсутствие страха перемен» (жен., 26 лет).

Выявлены позиции сопоставления оценок личной безопасности с нематериальными факторами: с нестабильностью и неопределенностью, которые

угрожают социальным и жизненным перспективам близких и друзей, как в собственном, так и в ближайшем окружении. Например:

«Скорее не хватает. Общий тревожный настрой, неуверенность в завтрашнем дне, не то чтобы полное отсутствие перспектив, скорее не вижу способов реализации своих планов» (муж., 46 лет).

«Скорее хватает. Социальная группа, в которой я нахожусь, совпадает со мной по ценностям и нормам поведения. В ней я чувствую себя в безопасности, есть родные, которым я могу полностью доверять и в случае необходимости попросить о помощи» (жен., 26 лет).

«Какая безопасность! У детей на работе не ладится, у внуков денег на образование нет» (жен., 63 года).

«Скорее не хватает. Это связано с недоверием к доступной информации о происходящих событиях. Трудно в современных условиях принимать важные жизненные решения и планировать жизнь, опираясь на противоречивую информацию» (жен., 52 года).

«Скорее не хватает. Очень часто возникает необходимость в жизни что-то менять, отказываться от привычного, причем не в лучшую сторону» (жен., 47 лет).

В фокус-группе участвовали в основном неработающие пенсионеры, которые в массовом опросе попадали в группу со сниженной потребностью в безопасности. Им также было предложено ответить на конкретный вопрос. В данной возрастной группе мы получили приращение в понимании безопасности как наличия сильной власти, которая обеспечивает порядок.

«И не надо, и хватает. Верю в свою страну и президента» (жен., 74 года).

«Мне хватает. Страна сильная, кругом охрана, армия сильная» (муж., 75 лет).

«Я привыкла верить людям. Все зависит от людей. Задано направление, каждый выполняет свою работу, вот и безопасность» (жен., 71 год).

Участникам дискуссии был предъявлен перечень типов безопасности человека, разработанный авторами концепции безопасности человека "Human security", представленной в Докладе Программы развития ООН (ПРООН) 1994 года [Отчет по человеческому развитию, 1994]. Они описывали следующие основные типы безопасности: *экономическая* (гарантированный минимальный доход), *продовольственная* (физическая и экономическая доступность продуктов питания), *безопасность для здоровья* (относительная свобода от заболеваний и заражений), *доступность квалифицированной медицинской*

помощи), *экологическая* (доступность чистой воды, воздуха, плодородной почвы), *личная* (свобода от физического насилия и угроз жизни), *политическая* (защита основных прав и свобод личности и возможности для их отстаивания).

Обсуждение показало, что если бы участникам дискуссии предлагалось оценивать ощущение безопасности каждого типа, то оценки были бы более вариативными и критерии соотнесения оценок с уровнем уязвимости, возможно, выбирались бы другие. Такой результат подсказывает, что на этапе разработки инструментария массового опроса необходимы данные качественного анализа, чтобы не потерялись важные смыслы в формулировках вопросов структурированного анкетного интервью.

Заключение

Направленность социально-экономических и политических изменений, особенно на нынешнем этапе исторического процесса, свидетельствует о росте степени рискогенности различных сред от социетального уровня до повседневной жизни людей.

Цель адаптации к росту неопределенности и рисков состоит в конструировании статуса безопасности через поиск баланса между степенью уязвимости и ресурсами, которые имеются у субъекта социальной деятельности в конкретный момент по отношению к определенному риску. На индивидуальном уровне процесс адаптации, как и любое иное социальное взаимодействие, начинается с субъективного восприятия и оценивания.

Достоверную информацию о смысловом содержании, факторах, детерминирующих те или иные оценки, в системе социологических координат возможно получить только через качественно-количественный подход. Взаимодополняемость методов количественного и качественного социологического анализа обеспечивает полноту социальной информации, необходимой для принятия адекватных решений.

Как показывают результаты исследований, в том числе и описанного в данной статье, почти половина взрослого населения страны считает, что люди должны иметь возможность влиять на решения, которые могут нанести вред здоровью и природной среде. Более того, они готовы и ответственность за риск разделить с властными структурами. Необходимо встречное движение, запрос к научному сообществу на изучение качественно-количественной специфики факторов, влияющих на субъективную оценку безопасности. Пока такое встречное движение имеет место только в тех локациях, где риски практически переросли в кризис.

Литература

Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1998. № 10. С. 45–71.

Колесникова О. Н., Чуканова Т. В., Артюхина В. А. Социальное самочувствие и безопасность населения региона: некоторые результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. 2015. № 1. С. 114–118. EDN: [UAOJUL](#)

Коньшев В. Н. Безопасность личности — новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 40. С. 43–56. EDN: [SUFMCR](#)

Латова Н. В. Удовлетворенность жизнью: динамика и факторы // Российское общество и вызовы времени / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 76–97.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 358–378. EDN: [WBLZOB](#)

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Значимость субъективных оценок безопасности в оптимизации процессов адаптации к рискогенной среде // Россия реформирующаяся. М.: Новый хронограф, 2022. Вып. 20. С. 291–315. DOI: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.11> EDN: [GJUJWB](#)

Отчет по человеческому развитию. Оксфорд: Оксфорд Юниверсити Пресс, 1994.

Юдина Т. Н., Фролова Е. В., Танатова Д. К., Долгорукова И. В., Родимушкина О. В. Безопасность личности и виктимные опасения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 1. С. 114–127. EDN: [YOCMRZ](#)

Сведения об авторах:

Мозговая Алла Викторовна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора проблем риска и катастроф, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **Email:** mozgovai@yandex.ru. **РИНЦ AuthorID:** [71630](#); **ORCID ID:** [0000-0001-6810-5931](#); **ResearcherID:** [ABD-3432-2020](#).

Шлыкова Елена Викторовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **Email:** shly-ev@yandex.ru. **РИНЦ AuthorID:** [76563](#); **ORCID ID:** [0000-0002-2875-271X](#); **ResearcherID:** [I-5128-2016](#).

Статья поступила в редакцию: 16.09.2022

Принята к публикации: 10.12.2022

.....

The Human Dimension of Security: Subjective Assessments and Personal

DOI: [10.19181/inter.2022.14.4.2](https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.2)

Alla V. Mozgovaya *Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia*
Email: mozgovai@yandex.ru

Elena V. Shlykova *Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia*
Email: shly-ev@yandex.ru

The social context of modernity is characterized by systemic transformations, constant changes, the fundamental feature of which is uncertainty, the fundamental possibility of negative consequences and outcomes of processes, events, phenomena, decisions.

Subjective feeling, personal assessment of risk and one's own vulnerability, and, consequently, the degree of security become a factor in designing a strategy for interacting with a risky environment. The identification and selection of adequate methods for measuring factors that are involved in the subjective assessment of risk and vulnerability, the interpretation of the meanings that respondents put into understanding the phenomenon of security, are an interesting scientific problem and a significant task for social practice.

The article attempts to demonstrate the complementarity of sociological data obtained by methods of quantitative and qualitative empirical sociology, both at the stage of designing and piloting tools, and when interpreting the results. The discourse is carried out in relation to the currently relevant problem of human security.

The empirical section of the article demonstrates the perspective of the approach to measuring the subjective assessment of security in mass surveys through the indicator of sufficiency of the sense of security and the factors associated with it. Thus, a statistically significant relationship of the feeling of security with gender, age, type of settlement, education, with subjectivity, that is, with responsibility for risk, was revealed. Nevertheless, there was a clear insufficiency of the semantic component to ensure the reliability of the interpretation of the result obtained, a request for additional information, for which the use of methods of qualitative sociology, working just with the semantic level of consciousness, is indispensable.

The result of applying the methods of qualitative sociology (interview, focus discussion) the following typology became established: when responding, respondents correlated their safety assessments mainly with the presence/absence of threats to the physiological state and material and property status of the personal and immediate environment.

The positions of comparing personal security assessments with non-material factors are also revealed: with the presence of relatives and friends, with instability and uncertainty that threaten the social and life prospects of one's own and the immediate environment. In the older age group, security is understood as having a strong authority that ensures order.

The complementarity of quantitative and qualitative sociological methods increases the reliability and completeness of the interpretation of mass survey data regarding the phenomena and processes under study.

Keywords: safety; methods of measurement; responsibility; assessment; risk; subjectivity; vulnerability

References

- Golovakha E. I., Panina N. V., Gorbachik A. P. (1998) Izmerenie social'nogo samochuvstviya: test IISS. [Measuring Social Well-being: the IISS Test]. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)]. No. 10. P. 45–71. (In Russ.)
- Kolesnikova O. N., Chukanova T. V., Artyukhina V. A. (2015) Social'noe samochuvstvie i bezopasnost' naseleniya regiona: nekotorye rezul'taty monitoringovogo issledovaniya [Social Well-being and Security of the Region's Population: Some Results of the Monitoring Study]. *Vestnik Altaiskoi nauki* [Bulletin of Altai Science]. No. 1. P. 114–118. (In Russ.) EDN: [UAOJUL](#)
- Konyshev V. N. (2014) Bezopasnost' lichnosti — novyj povorot v ponimanii politiki bezopasnosti [Personal Security — a New Turn in the Understanding of Security Policy]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security]. Vol. 10. No. 40. P. 43–56. (In Russ.) EDN: [SUFMCR](#)
- Latova N. V. (2017) Udovletvorennost' zhizn'yu: dinamika i faktory [Satisfaction with Life: Dynamics and Factors]. In: M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov (eds) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of The Time]. Moscow: Ves' Mir. P. 76–97. (In Russ.)

Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. (2016) Neravenstvo v raspredelenii riskov: resursy i strategii adaptatsii [Disparity in the Social Distribution of Risks: Resources and Adaptation Strategies]. In: M. K. Gorshkov (ed.) *Rossiya reformiruyushhayasya* [Russia Reforming]. Vol. 14. P. 358–378. (In Russ.) EDN: [WBLZOB](#)

Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. (2022) Znachimost` sub`ektivny`kh ocenok bezopasnosti v optimizatsii processov adaptatsii k riskogennoj srede [Safety Subjective Estimations Significance to the Optimization Trends Substantiating for People to Adapt to Risk Environment]. In: M. K. Gorshkov (ed.) *Rossiya reformiruyushhayasya* [Russia Reforming]. No. 20. P. 291–315. DOI: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.11> EDN: [GJUUBW](#) (In Russ.)

Otchet po chelovecheskomu razvitiyu [Human Development Report] (1994). Oxford: University Press (In Russ.)

Yudina T.N., Frolova E.V., Tanatova D.K., Dolgorukova I.V., Rodimushkina O.V. (2017) Bezopasnost` lichnosti i viktimnye opaseniya [Human Security and Fear of Victimization]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20. No. 1. P. 114–127. (In Russ.) EDN: [YOCLRZ](#)

Authors bio:

Alla V. Mozgovaya— Doctor of Sociology, Main Researcher, Head of the Department, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **Email:** mozgovai@yandex.ru. **RSCI AuthorID:** [71630](#); **ORCID ID:** [0000-0001-6810-5931](#); **ResearcherID:** [ABD-3432-2020](#).

Elena V. Shlykova— Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **Email:** shly-ev@yandex.ru. **RSCI AuthorID:** [76563](#); **ORCID ID:** [0000-0002-2875-271X](#); **ResearcherID:** [I-5128-2016](#).

Received: 16.09.2022

Accepted: 10.12.2022